УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-97-104

Назаренко Геннадий Васильевич
Gennady V. Nazarenko

доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, академик РАЮН, профессор кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет (305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94)

doctor of sciences (law), professor, honorary worker of higher professional education, academician of RUN, professor of the department of criminal law
South-West state University (94, 50 years of October st., Kursk, Russian Federation, 305040)

E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России

Content, legislative and technical aspects the principle of subjective imputation (guilt) in Russian criminal law

Целью работы является обоснование научных положений, касающихся содержательного и законодательно-технического аспектов отраслевых принципов уголовного права — принципов вменения и невменения, связанных с категорией вины и общеотраслевым принципом законности. *Методология.* В качестве методологической основы данного исследования использован диалектический метод познания в совокупности с инструментальными методами научного поиска. *Основные результаты:* 1) объективное вменение проявляется в стремлении подменить субъективное отношение субъекта к своему поведению внешней (объективированной) оценкой, которая проявляется в таких категориях, как «опасное состояние», «социальная упречность», «психическая дефектность»; 2) принцип субъективного вменения не исчерпывается принципом вины, а наряду с виной включает в себя личную ответственность субъекта за последствия своего поведения; 3) принцип невменения связан с отсутствием вины либо с неспособностью действовать виновно; 4) принципы невменения и вменения в уголовном праве являются исходными и опираются на категорию вины, поскольку категория «вина» служит основанием субъективного вменения, а отсутствие вины или неспособность действовать виновно признается основанием невменения. *Вывод:* элементы объективного вменения, которые имеются в уголовно-правовых предписаниях, должны последовательно исключаться из текста уголовного закона, в этой связи исследование объективного и субъективного вменения является перспективным направлением, имеющим теоретическую и практическую значимость.

The purpose of this work is to substantiate scientific provisions concerning the substantive, legislative and technical aspects of the branch principles of criminal law — the principles of imputation and insanity related to the category of guilt and the General principle of legality. *Methodology*. The methodological basis of this research is the dialectical method of cognition in conjunction with instrumental methods of scientific search. *Main results*: 1) objective imputation manifests itself in an attempt to replace the subjective attitude of the subject to his conduct with an external (objectified) assessment, which is manifested in such categories as “dangerous state”, “social reproach”, “psychological defect”; 2) the principle of subjective imputation is not limited to the principle of guilt, but along with guilt includes the personal responsibility of the subject in the consequences of his behavior; 3) the principle of insanity is associated with the absence of guilt or failure to act culpably; 4) the principles of insanity and imputation in criminal law are basic and are based on the category of guilt, since the category of “guilt” serves as the basis for subjective imputation, and the absence of guilt or inability to act culpably is recognized as the basis of insanity. *Conclusion:* the elements of objective imputation that are present in criminal law regulations should be consistently excluded from the text of the criminal law.in this regard, the study of objective and subjective imputation is a promising direction that has theoretical and practical significance.

© Назаренко Г.В., 2020

Ключевые слова: принцип объективного вменения, принцип субъективного вменения, вина, принцип невменения, основание уголовной ответственности.

Keywords: the principle of objective imputation, the principle of subjective imputation, guilt, the principle of irresponsibility, the basis of criminal responsibility.

Общая теория права различает правовые принципы и принципы права. Это положение в теории права стало хрестоматийным и никем не оспаривается. Равным образом в уголовном праве принято различать уголовно-правовые принципы и принципы уголовного законодательства. Уголовно-правовые принципы представляют собой исходные идеи уголовного права, которые не зафиксированы в уголовно-правовых предписаниях, но используются правоприменителем в тех случаях, когда обнаруживаются законодательные пробелы [1, с. 19—20]. По справедливому утверждению Н.Ф. Фаткуллина «правовые принципы часто опережают их законодательное подтверждение» [2, с. 210]. Неписаные принципы рано или поздно объективируются в действующем законодательстве. Принципы уголовного законодательства, в отличие от уголовно-правовых принципов, представляют собой основополагающие требования, которые закреплены в Уголовном кодексе и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и распространяются на всех граждан.

Специфическими (отраслевыми) принципами уголовного права являются принципы вменения и невменения, связанные с категорией «вины» и общеотраслевым принципом законности. Вменение как таковое заключается в обязывании субъекта, совершившего преступное деяние, нести уголовную ответственность за содеянное. Н. Полетаев, автор первой монографии об основаниях вменения, опубликованной в конце IXX века, справедливо утверждал, что «вменять значит ставит на счет или призывать к ответу» [3, с. 406].

Невменение в уголовном праве представляет собой принцип, в соответствии с которым ответственность лица, совершившего запрещенное деяние, исключается на законных основаниях. В зависимости от основания уголовной ответственности принято различать объективное и субъективное вменение. Исторически первым в древнем законодательстве сформировался принцип объективного вменения. Этот принцип предполагает применение репрессивных мер за факт причинения вреда без учета личного участия в содеянном, а также наличия и содержания субъективной стороны поведения. В древнем праве так называемое «физическое» (объективное) вменение заключалось в применении карательных мер в отношении всех причинителей вреда, включая малолетних, безумных, животных и даже неодушевленных предметов, неспособных действовать осознанно и по своей воле. По выражению Н.С. Таганцева: «примитивная мысль не пошла дальше внешнего явления, не доискивалась бытия виновности и ее оттенков, от того не только не различала умышленное и неосторожное причинение вреда, но и к ним приравнивались и случайные повреждения» [4, с. 223].

Следует отметить, что принцип объективного вменения никогда и нигде открыто не провозглашался. Там, где принцип объективного вменения так или иначе применяется, наказуемое лицо признается виновным [5, с. 85]. В таких случаях вина отождествляется с фактом причинения вреда либо иными привходящими обстоятельствами, на которых строится обвинение. При этом законодатель формально признает принцип виновной ответственности, декларирует вину в качестве основания уголовной ответственности. Представители уголовно-правовой науки в свою очередь пытаются теоретически обосновать наличие виновной ответственности там, где фактически применяется принцип объективного вменения [6, с. 147—149]. Показательным примером в этом отношении служит введение в уголовное законодательство РСФСР категории «опасное состояние», которой советские юристы в 20—30-х годах пытались заменить категорию вины [7, с. 34—40]. Об опасном состоянии лица, которое предоставляло суду право назначить репрессивные меры к невиновному, должны были свидетельствовать такие внешние факторы, как социальное происхождение, связи подсудимого и его антиобщественный образ жизни. Типичным проявлением объективного вменения в недавнем прошлом являются факты уголовной ответственности родственников «врага трудящегося». Уголовный кодекс РСФСР 1926 года предусматривал, что объявление «врагом трудящихся» наряду с лишением свободы является основной мерой социальной защиты судебно-исправительного характера (п. «а» ст. 20, ст. 23, ст. 27). Кроме того, раздел третий УК РСФСР «Общие начала уголовной политики РСФСР» предусматривал назначение такой меры, как поражение поли-

тических и отдельных гражданских прав (п. «д» ст. 20, ст. 27), в том числе лишение права на пенсию и пособие по безработице, а также лишение родительских прав (п. «д», п. «е» ст. 31) в отношении тех лиц, которые противодействовали борьбе рабочего класса и революционному движению при царском строе либо в период гражданской войны (прим. 2 к ст. 14).

К числу заурядных проявлений объективного вменения следует отнести имевшие место в недавнем прошлом факты уголовной ответственности лиц, занимавшихся социально полезной деятельностью, строивших сельскохозяйственные объекты, которых бдительные органы внутренних дел привлекали к ответственности, а суды признавали тунеядцами по статье 209 УК РСФСР 1960 года в связи с тем, что эти лица трудились в частном порядке без фиксации их деятельности в трудовых книжках и фактически не могли уплатить налог с заработанных ими денег.

Объективное вменение обнаруживает себя в стремлении подменить субъективное отношение субъекта к своему поведению внешней (объективизированной) оценкой, которая может выражаться в категориях «опасное состояние», «социальная упречность», «психическая дефектность» и тому подобных понятиях [8, с. 62]. В таких случаях указанные категории служат теоретическим обоснованием невиновного вменения и выполняют на практике роль юридических шаблонов, которые используются для расширения репрессий в сугубо политических целях.

Иногда проблему вменения и вины пытаются решить за счет отрицания объективного вменения в теории и на практике. В частности, отдельные авторы считают, что «при объективном вменении не только нарушается принцип вины (что, на наш взгляд, исключительно верно. — **Н.Г.**), но и отсутствует само вменение как таковое (что совсем не соответствует действительности. — **Н.Г.**)» [9, с. 39]. По мысли К.Ф. Тихонова, «вина представляет собой социальную характеристику преступного поведения и лица, совершившего преступление» [10, с. 49]. Это утверждение позволяет сделать вывод, что указанный автор является сторонником объективного вменения. Там, где в качестве субъективного основания уголовной ответственности отвергается психическое отношение к содеянному, там фактически проявляется объективное вменение.

Принцип субъективного вменения в уголовном законодательстве находит свое выражение в принципе вины, в соответствии с которым лицо, нарушившее уголовный закон, подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ).

Следует отметить, что принцип субъективного вменения не исчерпывается принципом вины, иначе говоря, принципом виновного вменения, поскольку вина является одним из элементов состава преступления и в качестве такового представляет собой субъективное основание уголовной ответственности. Субъективное вменение наряду с виной включает в себя личную ответственность субъекта. Это означает, что элементами субъективного вменения выступают признаки субъекта преступления, то есть вменяемость и определенный возраст, которые в соответствии со статьей 19 УК РФ признаются общими условиями уголовной ответственности.

Совершенно иначе субъективное вменение трактует В.Д. Филимонов. Он считает, что «субъективное вменение — это уголовная ответственность за намерение совершить общественно опасное действие (бездействие) при фактическом несовершении этих действий (бездействия) и ненаступлении общественно опасных последствий» [10, с. 41]. Указанный автор полагает, что субъективное вменение в уголовном праве недопустимо, как и объективное вменение. В этой связи В.Д. Филимонов предлагает закрепить в Уголовном кодексе РФ соответствующее предписание и тем самым исключить из уголовного права «гипертрофированный» подход к субъективной стороне преступления с ее принципом вины, сформулированным в статье 5 УК РФ [9, с. 39—40].

Представляется, что автор слишком произвольно толкует принцип субъективного вменения, ибо при фактическом несовершении общественно опасного деяния наступление общественно опасных последствий в принципе невозможно. Уголовная ответственность за намерение совершить опасное действие при отсутствии причиненного вреда предполагает наличие объективного вменения, так как вина в отношении отсутствующих действий и последствий не может быть установлена. Вместе с тем, предложенная формула субъективного вменения обнаруживает недостаток законодательной дефиниции объективного вменения, сформулированной в части 2 статьи 5 УК РФ, которая гласит: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Обращает на себя внимание, что законодатель ограничивает субъективное невменение рамками казуса, то есть невиновного причинения вреда, призна-

ки которого даны в статье 28 УК РФ. При наличии казуса (случая без вины) объективное вменение не допускается, поскольку закон (ст. 28 УК РФ) признает все виды казуса невиновными деяниями, так как в одной ситуации (ч. 1) отсутствуют признаки умысла или неосторожности, а в другом случае (ч. 2) лицо не может предотвратить наступление общественно опасных последствий в экстремальных условиях либо при нервно-психических перегрузках из-за несоответствия своих психофизиологических качеств сложившейся ситуации.

Между тем объективное вменение имеет место во всех случаях привлечения к уголовной ответственности, будь то привлечение к ответственности за совершение малозначительных деяний, не представляющих общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), причинение допустимого вреда при необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), в результате невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ), за приготовление к преступлениям небольшой или средней тяжести (ч. 2 ст. 30 УК РФ), а также при самооговоре под воздействием психического либо физического насилия со стороны сотрудников правоприменительных органов.

Принцип субъективного вменения является отраслевым принципом уголовного законодательства и находит свое закрепление в уголовно-правовых предписаниях Общей части и нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. Несмотря на это, ряд авторов (В.Д. Филимонов, М.П. Карпушин и В.И. Курляндский) отвергают этот принцип либо отождествляют его с принципом личной ответственности за совершение действий (бездействия), запрещенных уголовным законом [11, с. 61]. Отрицание принципа субъективного вменения либо его самостоятельного характера необоснованно сужает сферу действия этого принципа и умаляет его уголовно-правовое значение. Принцип субъективного вменения по существу характеризует специфику уголовной ответственности и в этом качестве является одним из базовых принципов отечественного уголовного права. Частными проявлениями принципа субъективного вменения в уголовном законодательстве выступают:

1. Принцип личной ответственности, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности лишь за то, что им совершено лично (ч. 1 ст. 34 УК РФ).

2. Принцип ответственности лица, признаваемого субъектом преступления, в соответствии с которым физическое лицо подлежит уголовной ответственности при наличии определенного возраста и вменяемости (ст. 19 УК РФ).

3. Принцип виновной ответственности, понимаемый как возможность привлечения к уголовной ответственности только за те преступные действия (бездействие) и опасные последствия, в отношении которых установлена вина совершителя в форме умысла либо неосторожности (ст. 5 УК РФ).

Рассматривая принцип вины, сформулированный в статье 5 УК РФ, Н.Г Иванов справедливо отмечает, что указанная новелла изложена таким образом, чтобы оттенить специфику ответственности за бездействие и установить различие между легитимным виновным бездействием и невиновным причинением вреда, так как за совершение виновного бездействия лицо подлежит наказанию, если такое лицо обязано совершить определенные действия в сложившейся ситуации [12, с. 22—23]. На практике законодательные положения о преступном бездействии нередко игнорируются и невиновные лица неоправданно подвергаются наказанию, что свидетельствует о применении принципа объективного вменения вопреки нормам действующего УК РФ.

На наш взгляд, не соответствуют принципу субъективного вменения институты повторного совершения преступления и судимости, поскольку эти уголовно-правовые институты опираются на концепцию опасного состояния личности и выступают как элементы объективного вменения, ужесточающие уголовную ответственность лиц, которые с точки зрения законодателя представляют повышенную опасность независимо от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений. С позиций субъективного вменения не является обоснованным включение в состав преступления в качестве отягчающих обстоятельств таких признаков объективной стороны преступления, которые в большинстве случаев не охватываются умыслом субъекта, но вменяются ему в вину.

Вполне справедливо с позиций субъективного вменения подвергается критике формула преступной небрежности, в соответствии с которой лицо совершает преступление по неосторожности, если не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя должно было и могло предвидеть эти последствия [13, с. 75]. Оценочный характер такого подхода очевиден, поскольку лицо не предвидело наступление вредных последствий своего деяния и его возможности не соответствовали критерию «мог», указанному в части 2 статьи 26 УК РФ, в силу чего субъект фактически не смог предвидеть и предотвратить опасные

последствия. Не спасает формулу преступной небрежности и дидактический признак — «при необходимой внимательности и предусмотрительности», введенный составителями Уголовного кодекса РФ в 1996 году в статью 26 настоящего Кодекса, ибо отсутствие такого рода внимательности и предусмотрительности является причиной совершения неосмотрительных деяний, причиняющих вред по неосторожности.

Отдельные авторы пытаются обосновать уголовную ответственность деяний, которые совершаются без предвидения возможности наступления общественно опасных последствий «необходимостью повышения индивидуальной дисциплины поведения людей» [14, с. 66], что свидетельствует о целесообразном (объективном) характере такого вменения. Г.А. Злобин считает, что в неосторожных преступлениях обнаруживается «порок оценки и воления», который заключается в бездеятельности сознания и воли в отношении опасных аспектов своего поведения [15, с. 44]. Указанный автор пытается отстоять принцип субъективного вменения, но одновременно включает в содержание преступной небрежности внешнюю (объективированную) оценку поведения, которая не соответствует содержанию субъективной стороны деяния, совершенного субъектом виновно.

В соответствии с действующим УК РФ преступная небрежность представляет собой неосмотрительное упущение, за которое субъект, допустивший наступление опасных последствий, должен нести уголовную ответственность, несмотря на то, что не предвидел возможности наступления таких последствий. С позиций субъективного вменения такой подход неверен, так как лицо, допустившее интеллектуально-волевой промах (упущение), подлежит уголовной ответственности за результат своих действий при отсутствии достоверных данных о стремлении лица причинить какой-либо вред.

Следует отметить, что в результате дискуссии, проходившей в начале 50-х годов XX века, отечественные криминалисты признали вину с учетом ее содержания субъективной категорией и безоговорочно отвергли оценочное понимание вины [16, с. 57]. Это означает, что специфика института вины и виновной ответственности в отличие от других уголовно-правовых институтов заключаются в психическом отношении лица к совершенному деянию и его последствиям, которые проявляются в содержании сознания и направлении воли действующего лица.

Кроме того, следует обратить внимание, что в отечественной науке уголовного права наряду с положениями, соответствующими принципу субъективного вменения, утвердилось тенденциозное представление о социально-политическом содержании вины. Это положение строится на императиве А.А. Пионтковского, согласно которому «вина есть не просто психологическое понятие, но понятие социально-политическое» [17, с. 73]. При социально-политическом подходе к уголовно-правовым явлениям и понятиям приоритет социально-политического над психологическим находит свое выражение не только в формуле преступной небрежности, но и в категориях осознания общественно опасных деяний, предвидении и непредвидении общественно опасных последствий, желании либо допущении таких последствий, самонадеянном расчете на предотвращение опасных последствий.

Законодатель почти сто лет оперирует указанными категориями, а современная юридическая литература содержит утверждение, что «осознание противоправности не имеет значения для признания прямого умысла, так как закон не включает сознание противоправности в формулу умысла» [18, с. 126]. На наш взгляд, указание на осознание общественной опасности своего деяния, предвидение либо непредвидение наступления общественно опасных последствий в законодательных формулах умысла и неосторожности явно не соответствует психическому отношению лица, совершившего преступления, к своему деянию и наступившим последствиям. В.В. Лунеев справедливо отмечает, что не стоит полагать, будто лицо при совершении преступления задумывается над общественной опасностью своего деяния. Это является уголовно-правовой иллюзией [19, с. 26]. В действительности нарушитель уголовного закона осознает не общественную опасность своего деяния, а фактический характер и неправомерность своих действий (бездействия), о так называемых «общественно опасных последствиях» правонарушитель вообще не задумывается, поскольку стремится к достижению личной цели, которая заключается в стремлении удовлетворить собственные потребности. Лицо, совершающее кражу, изнасилование или иное преступление, осознает не его общественную опасность, а социальное значение своих действий (бездействия), то есть их противоправность.

Однако законодатель по-прежнему использует в формуле вины признак общественной опасности и тем самым закрепляет на практике принцип объективного вменения, так как осознание

общественной опасности и предвидение наступления общественно опасных последствий не соответствуют содержанию психического отношения лица к своему деянию и его последствиям. В ряде случаев законодатель пытается преодолеть существующие противоречия за счет примечаний к статьям УК РФ. В частности, примечание к статье 158 УК РФ, которое относится к различным формам и видам хищений, дает возможность конкретизировать умысел лица, совершившего кражу, мошенничество, присвоение, растрату, грабеж либо разбой и тем самым избежать законодательных абстракций, имеющих место в формулах вины. В соответствии с признаками хищения, которые указаны в примечании, лицо, совершающее хищение, осознает, что противоправно и безвозмездно изымает и (или) обращает чужое имущество тайным, открытым, насильственным, обманным или иным способом в свою пользу либо пользу других лиц и предвидит, что причиняет ущерб собственнику или иному владельцу имущества.

На наш взгляд, осознание противоправности совершаемых действий (бездействия) и предвидение результата противоправных действий должно быть введено в формулу умышленной вины с целью преодоления оставшихся в уголовном законодательстве элементов объективного вменения. Законодатель не должен останавливаться на достигнутом и редактировать действующий Уголовный кодекс за счет примечаний, в которых фигурирует признак противоправности совершаемых деяний.

Наше предложение о введении в формулу вины интеллектуального элемента, включающего в себя признаки осознания противоправности и предвидения последствий противоправных действий (бездействия), поддерживают А.И. Гревнова, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев и другие авторы [20, с. 15]. Вместе с тем, Е.Е. Чередниченко полагает, что хотя соответствующая точка зрения заслуживает внимания, по его мнению, такое нововведение может привести к тому, что лица, совершившие преступление, смогут избежать ответственности и наказания, сославшись на незнание закона [21, с. 125]. Указанный автор упускает из виду три обстоятельства: во-первых, существование презумпции знания законов, которая фактически является аксиомой; во-вторых, те корректировки, которые введены федеральными законами в Уголовный кодекс РФ за 22 года его действия; в-третьих, толкование статей Особенной части УК РФ, в результате которого происходит конкретизация умысла и неосторожности, подтверждающая осознание противоправности совершенных действий (бездействия) либо понимание фактического характера и социального значения совершенного деяния, что равносильно осознанию его противоправности.

Принцип невменения в уголовном праве, дополняющий принцип субъективного вменения, связан с отсутствием вины либо с неспособностью действовать виновно. На практике этот принцип применяется в случаях невиновного причинения вреда, а также в отношении малолетних, невменяемых и лиц, имеющих отставание в психическом развитии без признаков невменяемости.

Таким образом, принципы невменения и вменения в уголовном праве являются исходными и опираются на категорию вины. Вина как таковая является существенным основанием субъективного вменения, а ее отсутствие или неспособность действовать виновно признаются основанием невменения, то есть обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность лица, причинившего вред.

Особенность субъективного (виновного) вменения заключается в том, что воздействие уголовной ответственности рассчитано только на лиц, которые достигли указанного в законе возраста и находятся в таком психическом состоянии, при котором сознательно-волевая саморегуляция поведения соответствует критериям вменяемости. Это означает, что субъективное вменение исключает возможность привлечение к уголовной ответственности лиц, не достигших наступления узаконенного возрастного порога (14 и 16 лет), а также невменяемых лиц, не способных действовать во время совершения запрещенных уголовным законом деяний осознанно и волимо, то есть осознавать фактический характер и социальное значение своего поведения.

Объективное вменение, будучи антиподом субъективного вменения, игнорирует отсутствие вины субъекта, его неспособность действовать виновно, так как ориентируется на внешние признаки вреда, который причинен механически либо может быть причинен в дальнейшем в силу негативных свойств, приписываемых источнику опасности. Объективное (невиновное) вменение противоречит смыслу уголовной ответственности, которая требует установления вины вменяемого лица, достигшего установленного законом возраста, в случае совершения им преступного деяния. Такого рода внешнее (несубъективное) вменение ведет к подрыву действующей системы уголовно-

го законодательства и его базовых принципов. Поэтому элементы объективного вменения, которые до настоящего времени имеют место в уголовном законодательстве, должны последовательно искореняться. В этой связи дальнейшее исследование объективного и субъективного вменения является перспективным направлением, имеющим как теоретическое, так и практическое значение. Поскольку субъективное вменение опирается на достижения других наук, которые касаются сферы сознания субъекта, широкомасштабные уголовно-правовые исследования этой сферы должны охватить различные аспекты «состояния сознания» субъекта преступления во время совершения деяний, запрещенных уголовным законом. При этом следует учесть, что с позиций новейшей философии «состояние сознания» преимущественно несодержательно, поскольку осознание совершаемого деяния — это дубликат совершаемого, который не может выйти за рамки осознаваемого, особенно в случае совершения неосторожных действий, последствия которых сознание субъекта не охватывает. С философской точки зрения «состояния сознания» могут быть позитивными (когда человек осознает что-либо), негативными (когда он не осознает что-либо) и позитивно-негативными (когда субъект осознает одно и не осознает другое) [22, с. 58]. Однако психические явления, являющиеся объектом психологической науки, применительно к сознанию преимущественно содержательны. В таких случаях «сознание определяет предварительное, мысленное построение действий, предвидение их последствий, контроль и управление поведением, способность отдавать отчет в том, что происходит» [23, с. 258]. Но в некоторых ситуациях психические явления могут быть и несодержательны. В последнем случае несодержательность сознания при совершении преступлений по неосторожности представляет собой чисто негативное обстоятельство наряду с теми структурами сознания, которые позитивно содержательны. Например, лица, нарушающие требования пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ) или иные правила безопасности (ст. 216, 217, 218 УК РФ и др.), *сознательно* нарушают соответствующие требования и правила безопасности, но *не осознают неизбежности* наступления опасных последствий своего поведения. В этой связи законодатель включил в формулу преступного легкомыслия только *предвидение возможности* наступления общественно опасных последствий, в качестве которых в статьях Особенной части УК РФ указаны причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, наступление смерти человека либо смерти двух и более лиц. Несовершенство законодательных формул неосторожности очевидно: их содержание с трудом согласуется с положениями других гуманитарных наук. В психиатрии сознание рассматривается в более узком смысле как нормальное состояние высшей нервной деятельности, наличие которого дает возможность адекватно воспринимать окружающую обстановку и совершать осмысленные действия [24, с. 522—523]. Тяжелые нарушения сознания, вызванные психическими расстройствами, в соответствии с Уголовным законом (ст. 21 УК РФ) исключают субъективное вменение, так как лицо, находящееся во время совершения общественно опасного деяния в негативном состоянии сознания, не осознает его фактический характер и социальное значение. Сказанное выше означает, что исследование вменения как такового требует использования философских, психологических и психиатрических достижений, а формулы субъективного (виновного) и объективного (невиновного) вменения, вменяемости и невменяемости нуждаются в доработке и уточнении.

Примечания

1. Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Изд-во «Ось-89», 2000. 254 с.

2. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.

3. Полетаев Н. Об основаниях вменения по началам положительной философии. СПб.: Тип. А. Катанского, 1890. 430 с.

4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. М.: Изд-во «Наука», 1994. 380 с.

5. Старосельский Я.В. Принципы построения уголовной репрессии // Революция и право. 1927. № 2. С. 83—105.

6. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий). М.: Ком. Академия, 1924. 160 с.

7. Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы: межвузовский научный сборник / отв. ред. Ю.А. Демидов, И.С. Ной. Саратов. Вып. 1. 1979. С. 34—40.

8. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве: монография. Орел, 1996. 96 с.

9. Тихонов К.Ф. Понятие вменения в вину // Личность преступника и виновная ответственность: Межвузовский научный сборник. Саратов: СГУ, 1979. С. 38—48.

10. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: ЦентрЮрИнфо, 2002. 139 с.

11. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. 232 с.

12. Иванов Н.Г. Модельный Уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: монография. М.: Закон и право, Юнити-Дана, 2003. 143 с.

13. Михеев Р.И. Уголовная политика и проблемы субъективного вменения // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985. С.74-82.

14. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права: монография М.: Юрид. лит., 1986. 237 с.

15. Злобин Г.А. Виновное вменение и уголовная ответственность // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 38—46.

16. Николаев В. Преодоление неправильных теорий в уголовном праве // Коммунист. 1956. № 14. С. 51—64.

17. Пионтковский А.А. Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы учения о составе преступления // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 68—79.

18. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М.: Волтерс Клувер, 2007. 179 с.

19. Лунеев В.В. Субъективное вменение // Уголовное право: новые идеи. М.: ИГП РАН, 1994. С. 26—43.

20. Гревнова И.А. Вина как принцип уголовного права Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 21 с.

21. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства. М.: Волтерс Клувер, 2007. 179 с.

22. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: монография. СПб.: Азбука, 2011. 318 с.

23. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988. 560 с.

24. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / под ред. С.Н. Носкова. Воронеж: МОДЭК, 1995. 640 с.

References

1. Nazarenko G.V. Russian criminal law. General part: lecture course. Moscow: Publishing house “Axis-89”, 2000. 254 p. (In Russ.)

2. Fatkullin F.N. Problems of the theory of state and law. Kazan: Kazan Publishing House University, 1987. 336 p. (In Russ.)

3. Poletaev N. On the grounds of imputation on the basis of positive philosophy. St. Petersburg: Type. A. Katansky, 1890. 430 p. (In Russ.)

4. Tagantsev N.S. Russian criminal law: lectures. Part General. Moscow: Publishing house “Science”, 1994. 380 p. (In Russ.)

5. Staroselsky Ya.V. The principles of building criminal repression. *Revolution and law*, 1927, no. 2, pp. 83—105. (In Russ.)

6. Pashukanis E.B. General theory of law and Marxism (experience of criticism of basic legal concepts). Moscow: Kom. Academy, 1924. 160 p. (In Russ.)

7. The identity of the offender and criminal liability. Legal and criminological issues: interuniversity scientific collection / ed. ed. Yu.A. Demidov, I.S. Noy. Saratov. Vol. 1. 1979. Pp. 34—40. (In Russ.)

8. Nazarenko G.V. Guilt in criminal law: a monograph. Orel, 1996. 96 p. (In Russ.)

9. Tikhonov K.F. The concept of imputation of guilt. *The identity of the offender and the guilty responsibility: Interuniversity scientific collection*. Saratov: SSU Publ., 1979. Pp. 38—48. (In Russ.)

10. Filimonov V.D. The principles of criminal law. Moscow: Tsentr YurInfo, 2002. 139 p. (In Russ.)

11. Karpushin M.P., Kurlandsky V.I. Criminal liability and corpus delicti. Moscow: Jurid. lit. Publ., 1974. 232 p. (In Russ.)

12. Ivanov N.G. Model Penal Code: General. Opus no. 1: a monograph. Moscow: Law and Law, Unity-Dana Publ., 2003.143 p. (In Russ.)

13. Mikheev R.I. Criminal policy and problems of subjective imputation. *Problems of the Soviet criminal policy*. Vladivostok, 1985. Pp. 74—82. (In Russ.)

14. Spiridonov L.I. Sociology of Criminal Law: monograph. Moscow: Legal. lit. Publ., 1986. 237 p. (In Russ.)

15. Zlobin G.A. Guilty imputation and criminal liability. *Actual problems of criminal law*. Moscow, 1988. Pp. 38—46. (In Russ.)

16. Nikolaev V. Overcoming the wrong theories in criminal law. *Communist*, 1956, no. 14, pp. 51—64. (In Russ.)

17. Piontkovsky A.A. Strengthening socialist legality and some issues of the doctrine of the corpus delicti. *Soviet State and Law*, 1954, no. 6, pp. 68—79. (In Russ.)

18. Cherednichenko E.E. Principles of criminal law: concept, system, problems of legislative regulation. Moscow: Walters Clover Publ., 2007. 179 p. (In Russ.)

19. Luneev V.V. Subjective imputation. *Criminal law: new ideas*. Moscow: IGP RAS Publ., 1994. Pp. 26—43. (In Russ.)

20. Grevnova I.A. Wines as a principle of criminal law of the Russian Federation. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 2001. 21 p. (In Russ.)

21. Cherednichenko E.E. The principles of criminal law. Moscow: Walters Clover Publ., 2007. 179 p. (In Russ.)

22. Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M. Symbol and consciousness: monograph. St. Petersburg: ABC Publ., 2011. 318 p. (In Russ.)

23. Granovskaya R.M. Elements of practical psychology. Leningrad: Publishing House of Len. University Publ., 1988. 560 p. (In Russ.)

24. Bleicher V.M., Kruk I.V. Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms / ed. S.N. Noskova. Voronezh: MODEK Publ., 1995. 640 p. (In Russ.)